

Протоиерей Анатолий Гармаев

Беседа о Рождественском посте

Беседа о Рождественском посте

Мы вновь в очередном году своей земной жизни вступаем в благословенное время подготовки к Рождеству Христову - в Рождественский пост. Христос рождается! Чем мы знаем об этом? Слышали, читали, на службах бывали.... И только? А в своем опыте, в своей жизни, через свое заново во Христе рождение знаем? Когда мы через Христа, еще больше - во Христе заново живем. И началом тому было бы каждого из нас в Рождестве рождение. Когда Рождество Христово мы узнали через Рождество в Нем. Открывая время Рождественского поста, Церковь зовет нас этот опыт пережить вновь, как и в прошлом году. Как мы можем это сделать?

Если читать о Рождестве, слышать, быть на богослужениях и получить впечатление о нем - это быть и оставаться в пределах человеческого опыта. Что в них будет божьего? Ничего. Даже если от них дух захватывает. Но в Рождестве Христа родиться - это только вместе с Ним, от Него и через Него возможно. По-другому никак.

«Я познал Тебя, - говорит на Тайной вечере Господь Отцу Небесному в присутствии учеников

Своих, - и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл Имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них» (Ин. 17, 25-26). Повернувшись к Своим ученикам, сказал: «А теперь иду к Пославшему Меня... Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, то пошлю Его к вам... Он, дух истины, наставит вас на всякую истину... От Моего возьмет и возвестит вам» (Ин. 13,7, 5, 16).

«От Моего возьмет и возвестит вам». Много людей искренних и вполне церковных, полагает, что пост - это время отношений с пищей и другими возбудителями страстей. Но мало людей, даже и церковных, которые знают, что пост - это, прежде всего, отношения со Святым Духом. Он есть свет миру, Он возвестит... И без Него всё знание о Боге и о Церкви останется для людей в границах человеческого - представлений, эмоций, фантазий. И мысли, и дела, и чувства, какими бы яркими, захватывающими и грандиозными ни были бы - всё будет, хоть и великое, но человеческое. А все труды поста - отложение скромного, зрелищ, супружеской близости и прочее - будут всего лишь навсегда вегетарианством, спартанством, симуляцией, снобизмом, а в итоге каким-нибудь утилитаризмом, т.е. извлечением из всего пользы для земного только существования.

Бог же рождается на земле возвестить об этом по-божьи. Это значит - Духом Святым. Это значит — дать людям благо. Тогда труды любого поста будут вхождением в отношения с Духом Божиим. И от нас будет требоваться быть удобными для Него, чтобы Ему прийти к нам, быть легкими на подъем, на новый путь в жизни, когда Он поведет за Собою, быть искренними и не оборачиваться

на молву людскую - что, мол, подумают, - когда Он возгреет в нас чувство, мысль, поступок; быть деятельно любящими и Христа, и людей, пробираясь к ним сквозь их хмурость, черствость сердца, обиженность и озлобленность, или веселую беспечность, когда через нас Дух Божий будет возвещать им приближающееся Рождество Христово. Для всего этого нам надо быть с Духом Божиим. «Да познает мир, что Ты (Отче)... возлюбил их, как возлюбил Меня... Я в них и Ты во Мне» (Ин. 17, 23).

Удобными сердцем, легкими на подъем, на новый путь в жизни, искренними без оглядки на молву, деятельно-любящими, способными возвещать приближение Рождества... Если всего лишь отчасти мы переживем что-либо из названного при том, что доныне мы этого не знали в опыте. В том и будет наше заново рождение. Одно только нужно помнить, что это будет прикосновение к тайне, тайне домостроительства Духа Святого.

Домостроительство это совершается уже без малого 2000 лет. И мы с вами живые участники этой тайны. А когда смотрим друг на друга - то и живые свидетели того, что происходит с другим. (Здесь - «с другим» в смысле - иной или «другим» в смысле друг? Может быть «другим» в смысле «не я»?). От нас же требовалось быть способными к восприятию благодати. «Тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Ин. 17,11) «Ты дал Мне (их) от мира; они были Твои и Ты дал их Мне. Они уверовали, что Ты послал Меня. Я уже не в мире, но они в мире; и молю, чтобы они были освящены истиной» (Ин. 17. 6, 8,11,19).

Поразительно, но каждый из нас к этому восприятию пришел в определенном возрасте. Кто-то в юношеском возрасте пробудился в вере, кто-то в зрелом, а кто-то и до сих пор неверующим живет. То есть для призывающей благодати нужен не просто человек, любой из живых на земле, а нужно пришествие человека в естество, способное к восприятию благодати. Из испорченного в неиспорченное. Из неспособного подхватиться ею в способного.

Пробуждение

При всём том, что каждый из нас с детства рос, развивался, жил ради какой-то видимой цели, ради радости земной, подспудно, в нас же совершалось еще одно движение, которого мы не сознавали, о котором ничего не знали. Как семя травы, которое мы не сеяли и которое не знаем, сколько прорастало в земле, нежданно для нас вдруг проклонулось на поверхность. А для этого почва должна была подготовиться к восприятию семени — наполниться гумусом, влагой, теплом. Так и естество наше должно было очиститься, истончиться, чтобы в какой-то день нежданно для нас воспринять семя благодати и пробудиться верою. Это пробуждение и есть видимое свидетельство нашей перемены, новизны. Видимость тайны, которая совершается в нас, и делает нас иными, новыми, не похожими на мир. Мы были в мире, но уже «не от мира, как и Я (Он,

Господь), не от мира». (Ин. 17.14)

От Духа Святого мы восприняли благодать и ею сделались новыми. Здесь два момента. Один - восприятие благодати, другой - сделались новыми. Не телом восприятие благодати и даже не душою, но духом. Должно было духом истончиться, оскудеть, обессилеть, чтобы поиск жизни и

жизненности продолжался дальше не от самонадеянности, самоуверенности или личного достатка, но от пробудившегося религиозного чувства. А сделались новыми при этом не только в образе жизни, но и в потребностях, и в мировоззрении. Более того, новыми сделались в силах, в состояниях и настроениях духа. Меньше или больше - у каждого свое.

Теперь, после сказанного мы можем говорить о заново рождении, к которому Церковь зовет нас днями предстоящего или уже совершающегося Рождественского поста. Как опытно мы знаем о нем? Не можем не знать. Потому что, если Господь во что-то зовет, то Сам же и преподает нам в предваряющем опыте. Нужно только не пропускать Его поучений, уметь различить их и подхватить.

Давайте вспомним предыдущий опыт, когда и как мы восприняли благодатное касание Святого

Духа? Уже будучи верующими и живущими активной церковной жизнью.

Одни из нас в религиозных чувствах жили новизной. Так, например, побывал человек в паломнической поездке, вернулся со множеством впечатлений. Кто-то прочел о жизни верующих людей, подвижников или святых - вдохновился, воодушевился их жизнью. Кто-то встретился с верующим человеком, удивился его нравственной и духовной красоте. Пройдет время. Отдалится в память прошлого удивление, угаснет воодушевление, забудутся впечатления. Но останется религиозное чувство, которое, оказывается, было при всем при этом пережито. Это чувство иной глубины религиозной жизни. При этом могло расшириться пространство религиозного восприятия мира, событий. Появиться понимание чего-то еще, что раньше оставлялось без внимания.

Другие в житейской суete испытывая разные нужды, в какой-то из них обратились к Богу, стали просить и пережили Его участие. Господь помог им. Только раньше, когда они получали помощь от Бога, они радовались тому, что земная нужда их устроилась, может быть даже и благодарили Бога и что-то благодарственное Ему делали (свечку, молитву, молебен), а, получив, еще увереннее отдавались своим земным делам, радуясь их успешности и тому, что Бог помог. Но однажды, получив просимое, неожиданно для себя они остановились перед Тем, Кто им помог. Не участие Его восприняли и остались сами с собою, со своими земными нуждами и успехами, но восприняли Того, Кто поучаствовал. Встретились с Ним, с Его милостью, любовью, Его прощением. А дела и просимое отошли на задний план, сделались несущественными, мелкими. Возможно, это был маленький опыт богопознания, всего лишь первое впечатление, далекое от того, что описывают святые. Но этот опыт познания Бога был.

Третий в болезнях изнурились духом. Не только телом истончились, но и духом. Настолько, что оказались способными позвать священника, или стали думать не о смерти, но о том, что будет за нею, или пережили горечь, раскаяние за прожитую жизнь.

Четвертые истончились духом в поисках истины. Искали ее в философских трактатах. Потом вникали в ветхозаветные писания, в писания святых отцов. Открывали для себя всё новые и новые

содержания истины. Ради этого и дипломов в кармане набрали кучу. А чувство, что нашли истину, не приходило. Напротив, вот уже и усталость от содержания стала посещать или радость от очередных открытий стала соседствовать с тревогой, что гаснет живое чувство веры, что покаяние давно уже остыло, что разумная жизнь, умножаясь и углубляясь в содержаниях и возвышенных чувствах, всё дальше отстоит от доброделания и давно уже потерялся вкус к нему. Это чувство тревоги, томления, тоски по Богу, не по истине о Нем, а по Нему Самому и по жизни по Нему и с Ним. Оно одно только дорогое стоит. И если есть оно, значит еще жив человек. И в одном только этом чувстве, сохранении или появлении его вся новизна и зановорождение человека могут содержаться.

Пятые истончились духом, пребывая в служении. Регента, певчего, алтарника, швеи, иконописца, строителя храмов, дьякона, священника. Те и другие, трудясь над усовершенствованием своего служения, искренне полагали свои силы на улучшение его внешних характеристик. Но однажды появилось чувство, что есть еще что-то, помимо внешней красоты, образности, чинности, порядка. В это время регенты и певчие наткнулись на знаменное пение, о котором слышали, но не придавали ему значения. А тут прочли в книге: «Именно в богословской насыщенности и неразрывной связи знаменного пения с опытом молитвы, принципиально безэмоционального, лишенного какой бы то ни было чувственности, заключается его главное до-столинство. Это то пение, которое существовало на Руси на протяжении многих столетий и во все века считалось канонически правильным, истинно церковным, а потому - единственно допустимым при богослужении. В XVIII веке оно было вытеснено партерным пением, когда в эпоху «итальянского пленения» (т.е. в XVIII - XIX вв.) стали преобладающими в клиросной практике эстетические стандарты, «согласно мирским гласоломательным пением, от своего сложения (как плод свободной творческой фантазии автора), а не от святых преданное, латинское и римское партерное вискание, святыми отцами отлученное...»[1].

Чувство, что помимо внешних чина и красоты в пении, есть еще что-то более важное, жизненное и приобретающее Бога, встретилось с этими

строгими словами и встрепенулось, ожило.

Подобным же образом и в подобном настроении иконописцы могли наткнуться на следующий текст в книге: «На иконе перед нами предстает человек, не борющийся со страстями, но уже победивший их, не взыскиющий Царства Небесного, но уже достигший его. Икона - не портрет, она есть явление преображенной, обоженной твари. В ней - трезвенная, основанная на духовном опыте и совершенно лишенная всякой экзальтации передача определенной духовной реальности. Всеосвящающая благодать Духа Святого просвещает всего человека, так что весь его духовно-душевно-телесный состав охватывается молитвой и пребывает в божественном свете. Икона видимо запечатлевает этого человека, ставшего живой иконой, подобием Бога.

А так как рукописный образ исполняется иконописцем с непременным участием его души, и в изображении будет чувствоваться как душевное состояние его, так и молитвенное настроение, если оно, как какая-то искорка было в нем, то и от иконописца требуется к написанию иконы подготовленность подвигом, церковная жизнь, исполненная его личной аскезой. Знаменательно,

что лучшими иконописцами были монахи. Многие из них были великими созерцателями и мистиками.

Своими корнями икона уходит в евхаристический опыт Церкви, неразрывно связана с ним, как и вообще с уровнем церковной жизни. Когда этот уровень был высок, то и церковное искусство было на высоте; когда же церковная жизнь ослабевала или наступали времена ее упадка - тогда приходило в упадок и церковное искусство. И на иконах выписывались человеческая плоть и человеческие чувственные, а порой и пошлые и тучные настроения. Икона вырастает из молитвы и без молитвы не может быть настоящей иконы»[2].

Граница между внешним и внутренним

Слова эти могут ударить по сердцу и предчувствие чего-то более важного, чем внешнее изображение, запечалуется тонкими прикосновениями Святого Духа, заронится скорбь по Богу, и вина перед Ним, и окаянство.

Так и во всяком другом служении, какое бы оно ни было. Ревностью духовной сначала о внешнем человек приходит к той границе, за которой начинается ревность о внутреннем. Служение Богу переходит в угоджение Ему. Приношение Ему результатов внешней деятельности перерастает в приношение Ему себя самого - своего сердца, ума, воли, в удобное для Святого Духа устроение себя внутреннего. Это и есть труды поста.

Подобно и то же происходит и в наших домашних отношениях с близкими. И на работе, и в гражданских собраниях, и с соседями, и на улице, и в транспорте. Время поста - это время искания отношений со Святым Духом, время ожидания обновления по благодати, заново рождения духовного вместе с нарождающимся Господом.

«Любовь ко всем святым пребывает у вас с того дня, как вы услышали и познали благодать Божию в истине. Посему мы, - говорит апостол Павел, - не перестаем молиться о вас и просить, чтобы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всём угодя Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога» (Кол. 1, 4-10). «Всякий, рожденный от Бога, не может грешить, потому что рожден от Бога» (1Ин. 9 ,3). Пусть помнит об этом каждый, и помнит, что «Бог производит в вас и хотение, и действие по Своему благоволению» (Флп. 2, 12-13).

Мы не знаем и не можем даже подозревать тех премудростей, к которым каждый из нас может быть призван Духом Божиим. Одно только очевидно, что призывание это происходит точно тогда, когда дух человеческий измощдается или истончается до неспособности противиться Духу Божию. То есть в каких-то движениях своего духа человек уже не может надеяться на себя, делать и жить от себя. Это «не может» есть некоторая пережитая нищета, которую сам человек в своем начальном опыте может и не уразуметь как нищету духа, скорее он переживет отчаяние, скорбь неудачи, потерянность даже. Но в этих больше душевных настроениях будет еще что-то, от духа, от его нищеты, которое проявится со временем как исканье выхода, как надеяние и кроткое ожидание, как упование. В это надеяние и упование в нищете кроткого духа и придет Дух Божий и

подаст жизнь. Из этого начального опыта много позже вырастет делание, о котором апостол Павел говорит: «Мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога.., соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (1 Кор. 2, 12-15).

Счастлив тот из нас, кто в опыте, пусть начально, имеет эту скрытую в духе потребность Духа Божия. Тогда время поста для него - это постоянное нахождение, искание в себе самом того устройства своих духа, воли, сердца, которыми возможно было бы приходить в сообщение со Святым Духом.

К этому добавим слова святителя Иннокентия Пензенского: «Средний между нами - тот, кто из душевного, или рабского состояния истинно и желает, и старается перейти в состояние свободы духовной. По мере желания и усилия он при содействии Духа Божия может приобретать и постепенно приобретает способность разуметь духовные истины и уразумение их доказывает действиями, составляющими жизнь в Боге»[3]. Как не лучшим временем для этого будет время долго-го поста? Сейчас Рождественского, потом Велико-го.

Какие мы все разные

И, тем не менее, к посту мы все по-разному

пришли. Кто-то, может быть, в условиях нашей «Отрады», духовного училища, пришел к посту даже с некоторым в глубине сердца страхом, мол, всё теперь будет постным - трапеза, общение, вся жизнь. Вот подвели его к посту, почти подтащили. Подтащили его же собственным согласием быть со всеми, называясь православным, его же собственным чувством необходимости следовать заданному церковным календарем образу жизни. И некуда теперь деться. Время поста неумолимо наступило. Давно отошло чувство радости от церковной жизни, воскрыленности от призывающей благодати. Наступили как будто нескончаемые будни церковного уклада, в которых сил следовать ему из года в год становится всё меньше и меньше. Вот и теперь очередной пост, как предчувствие маяты, нежизни.

Кто-то из нас, может быть до сего дня, еще уговаривал себя жить в «Отраде», оставаться в общине, но сейчас, когда наступил пост, увидел, как многие вокруг всерьез относятся к нему (посту), берут какой-то труд ради Рождества Хри-стова, пожалел, что раньше не оставил «Отраду». Подумал о городских - как хорошо им, никто их никуда не зовет, не понуждает, хотят исполнять пост - исполняют, не хотят, дают себе послабление - никто и не видит этого, никто и не укорит, вокруг все неверующие, а на их фоне и малость поста — уже пост, где уж тут дополнительные труды брать, тем более ради Святого Духа, уж очень это высоко, по нынешним возможностям совсем и далеко. «Не хотите ли Меня оставить?», — сказал Господь Своим ученикам. И то сказал им после того, как «мно-гие из учеников Его отошли от Него и уже не ходи-ли с Ним» (Ин. 6, 66-67). Слишком странными и далекими для них показались им слова о Плоти и Крови. Господь на то сказал им прежде, чем они отошли: «Слова, которые Я говорю вам, суть дух и жизнь. Дух животворит; плоть не пользует никако. Но есть из вас некоторые неверующие» (Ин. 6, 63-64). После этих слов они оставили Его. По-видимо-му, задетыми такими словами, неверующими оказались почти все.

Может быть, и нас с вами кого-то задевает эта беседа. А труды поста все равно остаются для таких людей трудными, да и не понятными во многом, бессмысленными, потому и бессильными.

Есть, возможно, и третьи среди нас. Они спокойно взирают на происходящее. Они давно уже привыкли к церковному укладу, просто живут в нем, следя церковным установлениям, особо не вдаваясь в смыслы, давно уже не придавая значения призывам; может быть когда-то увлеченно откликались на них, потом устали, может быть, было время и раздражались на призывы, а теперь выработали манеру слушая не слышать, видя не видеть, но внешнее положенное в меру сил выполнять. «Исследуйте писания, - говорит Господь, - ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют обо Мне. Но вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь» (Ин. 5, 39-40). «Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он (Отец) послал. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете» (Ин. 6, 29, 36). Не к нам ли относятся эти слова? Но Он же и сказал нам: «Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими» (Лк. 12, 37). На возглас же: «Господи, неужели мало спасающихся? Он сказал: подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут» (Лк. 13, 23-24). И в другом месте добавил: «Соль - добрая вещь, но если соль потеряет силу, чем исправить ее?» (Лк. 14, 34).

Четвертые из нас не могут не думать о смыслах поста, о тайне его, о событиях, которые из

невидимого в видимое происходят. Они думают и знают, что никто не обязывает нас поститься, да и не может обязать, разве что когда мы сами просились войти в этот уклад, просились быть принятymi в училище, в общину, согласились жить в меру принятого здесь из уставов Церкви и теперь этим собственным согласием сами в себе принуждаемы живем здесь. Они думают и знают, что уставы эти не людьми придуманы, но Дух Божий - Он наставлял Церковь, Он учил тех, кто пошел за Господом по первому зову Его, а множество других ревнующих о праведной жизни, взяли их уклад жизни в образец себе и их уставы сделали своими уставами. Дух Святой своим содействием их ревности подтвердил их выбор и решимость. Так продолжалось, умножаясь в соревнителях, пока вся Церковь не приняла кем-то воспринятый уклад жизни как свой повсеместный для всей Церкви устав и уклад. Теперь если и мы следуем ему, то не можем не знать, что Дух Божий внешние действия Устава Своим участием делает принадлежащими Церкви, а без Него все, оставаясь в пределах человеческих, остается только одной видимостью и пустым надувательством, и даже, как говорит архиепископ Аверкий (Таушев), приведет к имитации Церкви, так как не входит в состав Царства Небесного. «Сказал Господь Бог: «Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть» (Быт. 6,3). И «сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в духе от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 8). Потому, - призывает нас апостол, - «да не царствует грех в смертном вашем теле.., и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности» (Рим. 6, 12). Не забывайте, что Господь есть Дух» (2 Кор. 3, 17). Эти размышления немалую пользу принесут нам, если мы останемся при них во все дни Рождественского поста.

Есть, возможно, и пятые среди нас, кто вслед за размышлениями начинают вглядываться внутрь себя, вспоминать опыт поста в прошлом году. Невольно вспомнят, как тужно начинался пост, как первые дни стало особенно голодно и никакая пища не приносила насыщения, как потом стали

нападать настроения одно хуже другого - то раздражимость, злость, то склонность к обидам, жалость к себе, то уныние, то нервная веселость, торопливость, и почти всё не поддающееся контролю, подымающееся из глубин утробы со властью, порой как густая пена, забивающая все жизненные отправления. Но шло время. Дыхание поста становилось всё более ровным, спокойным. А к концу поста пришло состояние особой легкости ко всему Божественному. Даже долгие беседы за трапезой - и те стали доставлять жизнь, пробуждать живительные мысли, придавать силы. Словно «новорожденные младенцы, возлюбившие чистое словесное молоко», слушали мы эти беседы или чтения за трапезой с желанием «возрасти во спасение, ибо «как будто вкусили» в тот момент, «что благ Господь» (1 Пет. 2, 2-3).

Есть и шестые среди нас, кто на время Рождественского поста не только отложили скромную пищу, но и взяли труд воздержания. Стали понедельничать - по понедельникам ради Бесплотных Сил не вкушать. Кто-то уже давно не завтракает. Несколько человек и ужин заменяют простым чаем, соком или фруктами. Возможно, что к концу поста или где-то с середины они встретятся с искущением, какое пережил Господь в пустыне. «И постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взялкал» (Мф. 4,2). Некоторую труднотерпимую потребность вкусить что-нибудь «существенное». Господь же на соблазнительные слова искусителя ответил: « Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.4,5 ; Втор. 8,3). Тем Господь и нам указывает средство в тот самый момент, когда подступит алчание, не теряться и не отдаваться исступлению. Возьми Евангелие и начни с вниманием читать первое, что откроется,- отлагаясь и постепенно забывая тягу к еде. Или, если в навыке Иисусова молитва, не жди времени, когда по распорядку тебе надо становиться на нее, тут же, в момент приступа голода, становись на правило молитвы и совершай ее. « И молитва веры исцелит болящего» (Иак. 5,15), « ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Рим.10,13 ; Иоил. 2,32)

Как узнаем мы о Рождестве Христовом?

Начинает вспоминаться уже не Рождественский пост, а Великий. Первая седмица, хоть и трудная в своих богослужениях каждый день по восемь часов, но всё-таки еще со свежими силами совершаемая. А вот дальше всё труднее и труднее - седмица вторая - семинар «Евангелие в нашей жизни», - третья богослужебная седмица(то и другое-это традиции Православной Отрады),а да-лее иконописный семинар на четвертой седмице, великое стояние в день памяти Марии Египетской на пятой седмице, Благовещение, 40 Мучеников Севастийских, Лазарева суббота, вход Господень в Иерусалим - всё долгие, по полному чину праздничные службы.

Никаких специальных трудов поста каждый из нас не брал на себя. Одно только было - согласием и ревностью участвовали во всех событиях поста, во всех богослужениях, воскресных и вышеназванных, всех совершаемых без сокращений (кроме третьей седмицы). Но и этого оказалось довольно, чтобы к Страстной седмице прийти в живой ревности следовать за Христом последние дни Его земной жизни и, начиная со среды вечера, т.е. Великого четверга, уже неопустительно присутствовать на всех богослужениях, вплоть до самой Пасхи с утра до вечера и с вечера до утра. Удивительно, с какой легкостью, ясностью и с естественной необходимостью присутствия и следования за Христом воспринимались эти богослужения.

Но мысли дальше идут - ведь Рождественский пост не Великий, он по характеру своему и всем действиям иной, и настроения иные. Он много мягче, меньше измождает плоть и того меньше

измождает и истончает дух. В нем много ярких звездочек - праздничных служб, дней памяти великих святых. Собственно, кроме святых сам пост как-то и не помнится. Что в нем было в прошлые годы собственно постового? Еда? Но о ней как-то и не приходится вспоминать. Только приходит на память, что к концу Рождественского поста мы всё чаще говорим о молчании, тишине. Вспоминали историю, когда к моменту нарождения Господа три великие культуры мира - культуры востока, греческая и римская - пришли в упадок. И в этом молчании культур родился Тот, Кто Собою принес новую культуру - христианскую. Тот, Кого ждал иудейский народ, пришел так тихо, так несообразно земным ожиданиям людей, что о Его рождении никто и не узнал. Ангелы - они узнали и известили, архангел Гавриил известил волхвов и сам ли, или один из его ангелов вел их три года в Палестину. Пастухов ангелы известили прямо в день рождения Христа. Больше никто не сподобился ангельских известий. Сподобился... Видимо, такое сердце было у волхвов и пастухов, что ангелы избрали их, принесли им известие и не ошиблись. Они не встретили сомнений, неверия, лишних расспросов, никто не потребовал от них внешних подтверждений, доказательств. Даже, прия к Младенцу-Христу и увидев Его среди животных, в хлеву, в обстановке совсем не подобающей великому человеку, тем более Богу, они не смущались. Потому что, идя к Нему, не ждали, и не думали даже о внешних регалиях Мессии. Не по одежке встречали, как это принято у людей, а сразу... и не по уму даже... по духу. Что- то столь ясное открылось сердцу, передалось от ангелов, что одно только оно и составляло то единое, живое и простое устремление ко Христу, которое одно только и могло Его узнать в Младенце. Мимо всей окружающей Его обстановки. Каким же должно было быть это сердце у волхвов и пастухов, чтобы воспринять ангельское известие и на обстановку не обращать внимания. Даже и не подумать о том, какая и сколь подобающая должна быть обстановка.

Мы же с вами как узнаем о Рождестве Христа? Видимо, одни из нас - из интереса к истории знают о Нем как об историческом событии, т.е. бывшем две с лишним тысячи лет назад. А с тех пор ежегодно празднуем. Другие знают об этом из любви к христианской вере. Чут ее, уважают, сами верят. Третьи хранят Рождество как радостное событие в своей жизни. Любят общее веселье. Как любили раньше Новый год, так теперь любят Рождество, а то и продолжают любить одинаково то и другое. И празднуют их одинаково шумно, весело и с восторгом. Не подозревая даже, что может быть какое-то иное настроение, иное внутреннее состояние.

Какое же иное? По-видимому, такое, которое из года в год всё ближе было бы к простоте пастухов и мудрости волхвов. Мудрость - это разум, соединенный с любовью. Но и простота и мудрость сами по себе не обращают человека к Богу, тем более не дадут той сердечной устремленности, которая не придала значения обстановке хлева, где содержится скот. Больше того, которая завершилась радостью встречи с Младенцем- Богом. Что должно было быть в душе, в сокровенной глубине сердца у ангельских избранныков, чтобы они возликовали, радость восприняв, Христу поклонились как Богу и Царю.

Нет, историческими знаниями о Рождестве Христовом в обретении этого настроения себе не поможешь, любовь к шумным весельям праздников тем более этого настроения не может дать. Что-то иное и иным образом должно быть обретено в сердце, чтобы услышать ангельское известие. Возможно, многие из нас впервые узнали об этом сейчас. Как-то и не приходило в голову, что Рождественским постом нужно воспитать в себе особое, не вполне житейское настроение сердца и состояние духа. Не приходилось думать, что пост должен еще какие-то плоды давать. Такие плоды, которые зреют в душе, восприимчивой Святому Духу. Такие плоды, от которых чтение простых слов Евангелия придавало бы жизнь сердцу, давало силы поступать по

Евангелию, доставляло бы радость к исполнению следующих наставлений: «Если кто скажет - каюсь - прости ему» (Лк. 17,4). «Любовь не делает ближнему зла» (Рим. 13, 10). «Будем делать добро всем, наипаче своим по вере» (Гал. 6, 10). «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди» (Ин. 15,14). «заповедь Его (Отца Моего) есть жизнь вечная» (Ин. 12, 50).

Но если мы не помним таких плодов за прошлые годы, может быть они и были, но мы не придали им значения, тогда как возможно прийти к ним нынешним Рождественским постом? Для нас, судя по опыту прошлых лет, недостаточно просто помнить, что идет пост и поэтому держаться только постовой пищи. Конечно, переживается какое-то ущемление плоти, но о плодах, т.е. осуществлении простых слов Евангелия и Апостолов, об этом не будет и речи. Как же быть?

В этот момент мы вспоминаем об аллилуйных службах. Церковь вот уже более пяти лет как благословила возвращать прежнюю практику служить Рождественским и апостольским постом напоминание о Великом посте - аллилуйные службы. Мы в нашем храме будем их служить. Можно приходить на них.

Но кто-то из нас, слушая обо всем этом, вспоминает, что в прошлом и позапрошлом году он-то как раз бывал на аллилуйных службах. Только мало помнит - были ли от этого плоды. Возможно, что приходила тишина. Появлялось сознание поста, т.е. обращенности к Богу. Испрашивания у Него правдивых чувств, настроений, правдивых поступков. «Господи и Владыко живота моего (жизни моей), дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия отжени от мене». Отжени. «Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй мне». Даруй. Так ведь это же и есть те плоды,

т.е. простые слова Евангелия и Апостолов, которые даруются нам Духом Святым. А для того, что-бы было им место в нашем сердце, просим: «отже- ни» - отыми. Не мы сами, но Тот же Дух Святой совершил это с нами. От нас же нужна искренность просьбы и верность дарованиям. Тогда произойдет перемена в поведении. А там глядишь, с годами изменится и характер.

Весь строй аллилуйной службы приводит к внутренней тишине. Так ведь это и есть та тишина, которая образуется по мере умолкания в нас различных шумных культур мира сего, которые заполняют нашу душу и не дают места Духу Свято-му - кроткому дыханию Бога в нас, а вслед Него - нарождающемуся Младенцу-Богу, Христу.

[1] - Архиеп. Иларион Алфеев, Православие, т.2, стр. 861-859.

[2] - Зенон (Теодор), Успенский, Трубецкой в той же книге архиеп. Илариона, стр. 208-192.

[3] - свт. Иннокентий Пензенский, Богословие деятельное, М. 2003, стр. 5.

Культуры, какие должны утихнуть

Какие такие культуры должны утихнуть в нас? Те, что доставляют нам развлечения, затем, вторые - плотяные и душевые утешения, затем третьи культуры, в которых мы умножаем и питаем свою индивидуальность, а с нею гордость, и, наконец, четвертые, - те, в которых мы возрасталяем как ин-дивид.

Развлечений у каждого свой набор. Но всем им должно утихнуть. Среди них могут быть невинные занятия музыкой, рисунком, неприхотливым рукоделием, но могут быть всерьез увлекающие и отвлекающие от забот друг о друге и от церковных настроений занятия - это телевизионные, кино и театральные зрелища, это газеты, журналы, книги с пестрыми впечатлениями от них, затем уже активные и сильные развлечения - танцы, быстрая езда, компьютерные игры, интернет, шумные гостевания, выезды на природу с выпивками и гуляниями, страстное слежение за новостями политическими, экономическими, спортивными, отслеживание преступлений, спортивных состязаний и многое другое.

Плотяных и душевых утешений у каждого из нас тоже свое разнообразие. Но и они должны угаснуть, прийти в тишину. Безобидные и невинные утешения плоти за трапезой, в теплой постели, в комфорте, уюте - удовольствия от того, что чуть переели, чуть больше поспали, устроили себе чуть больше комфорта, уюта. С кем-то поговорили, с кем-то посмеялись, так, ни о чем, и довольные разошлись. Более серьезные утешения - услаждения сладким, едой, когда захотелось, услаждения от сплетен, пересудов, обсуждений друг друга в разных житейских ситуациях, осуждений, утешения работой, любимыми занятиями, комплиментами, чествованиями, людской признательностью, похвалой, наградами, одобрительной людской молвой, благодарностью от людей. И уж совсем страстные утешения - власть в блуд, напиться, предаться наркотикам, играм на деньги, влюбиться до безумия, довести кого-либо до раздражения, истерики, и потом успокоиться, утешиться, не отдавая себе отчета, зачем так сделал, не испытывая угрызений совести, не зная самоукорения. Утешился ведь от душевно-плотских развлечений...

И от первых и от вторых самоутешений Церковь уводит нас во дни Рождественского поста в праздники святых и их примером зовет жить Христу. Добрый в себе пробуждаться в делах милосердия, веселиться, тайно подбрасывая утешения нуждающимся, радость пережить тем, что защитил обижаемого. И это все вслед за святителем Николаем Чудотворцем и Спиридоном Тримифунтским.

Следуя апостолам Филиппу, Матфею и Андрею Первозванному, быть свидетелями Христа - Его проповеди о Царствии Небесном, Его учительной заботе и воспитании учеников, Его страданий, смерти и Воскресения, Его наставлений о Церкви и созидании ее по Его Вознесении. А для этого нужно читать Евангелие, вникать в детали, слова, извлекать суть и всем тем испытывать себя, свою жизнь, поступки, мысли. « По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин.13, 35). «Веруйте в Бога и в Меня веруйте, когда... приготовлю вам место,

приду опять и возьму вас к Себе, чтобы вы были, где Я» (Ин.1,3,14). «И уверовали все, которые были преду- ставлены (приготовлены) к вечной жизни (Деян.13,45).

Рождественским постом Церковь вспоминает и великомучеников - Меркурия, Екатерину, Варвару, Анастасию Узорешительницу. Теперь прибави-лись к ним и новомученики Церкви Русской - священномученики Серафим Чичагов, Иларион Троицкий, чтобы мы учились у них верности Христу даже до смерти. Но тот верен будет в большом, кто в малом верен. То есть, верен в повседневной жизни посту, молитве. Верен Таинствам, особенно Причастию Тела и Крови. В книге пророка Исаии иудеи взывают к Богу: «Почему мы постимся, а Ты не видишь?» И Господь отвечает им: « в день поста вы исполняете волю вашу... вы поститесь для ссор и распрай и для того, чтобы дерзкою рукою бить других. Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: раздели с голодными хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого-одень его. Тогда откроется как заря, свет твой, и правда твоя пойдет пред тобою. Тогда ты возопиешь и Он (Господь) скажет: « Вот Я» (Ис. 58, 3-9).

И преподобных вспоминает Церковь во дни Рождественского поста. Это и Никон Радонежский, и Савва Освященный, Даниил и Алипий столпники, и современный старец Порфирий Кавсокаливит. А рядом с ними святой праведный Иоанн Кронштадтский и святой благоверный князь Александр Невский. Все они для нас дивный пример подвижнической жизни и преданного служения Отчизне.

Преподобный старец Порфирий говорит: « Христос во всех твоих мыслях, во всех делах. Тогда у тебя есть благодать, тогда ты можешь вынести все ради Христа. Можешь даже перенести несправедливости ради Христа, да еще с радостью. Что говорит апостол Павел? « Радуйтесь в страданиях моих» (Кол.1,24). Когда Христос входит в сердце, жизнь меняется. Христос-это все. Когда Христос входит в сердце, страсти исчезают. Тогда ты не можешь ни ругаться, ни ненавидеть, ни мстить...Тогда смерть - лишь мост, который ты в какой-то момент перейдешь, чтобы продолжить жизнь Христову. Здесь на земле существует одно препятствие, поэтому требуется вера. Этим препятствием является тело. После смерти вера упраздняется и ты видишь Христа также, как видишь солнце»[1].

« Пост,- говорит нам прп. Исаак Сирин, -есть источник целомудрия и благоразумия, учитель безмолвия, предшественник всех добрых дел. от поста и воздержания рождается в душе плод - введение тайн Божиих».

Наконец, днями Рождественского поста мы вспоминаем пророков: Авдия, Наума, Аввакума, Софония, Аггея, Даниила. Блажен, кто открывает тексты их пророчеств в Ветхозаветных книгах. Вот пророк Даниил взыскивает: « Молю Тебя, Госпо-ди, Боже великий. , хранящий завет и милость соблюдающим повеления Твоя. Согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво и . не слушали рабов Твоих, пророков. Мы не слушали гласа Господа Бога нашего, чтобы поступать по законам Его, которые Он дал нам через рабов Своих, пророков. Праведен Господь Бог наш во всех делах Своих, но мы не слушали гласа Его (Дан. 9, 4-6; 10,14).

Придет некто «без шума и лестью овладеет царством. И южный царь выйдет на войну (против него). У обоих царей сих на сердце будет коварство, и за одним столом будут говорить ложь, но успеха не будет, потому что конец еще отложен во време-ни. И разумные из народа вразумят многих, и мно-гие присоединятся к нам, но притворно. Пострада-ют некоторые из разумных для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени. Царь тот вознесется и возвеличится выше всякого божества, и о Боге Богохвален станет говорить хульное и будет иметь успех. И наступит время тяжкое. Но спасутся из народа Твоего все, которые будут найдены записанными в книге. И разумные будут сиять как светила на тверди, и обратившие многих к правде - как звезды, вовеки, навсегда. Нечестивые будут поступать нечестиво и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют» (Дан. 1,3,10 ,12 ;36-11,21,25,33,35).

А вот как заканчивается книга Откровений св.

Иоанна Богослова: «Се, гряду скоро; блажен соблюдающий слова пророчества книги сей. И возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откр.22, 7,12).

Вернемся теперь к нечестивым культурам, которые мы собираем индивидуальностью своей. Индивидуальностью своей каждый из нас занят очень много. И она ради Христа подлежит угашению, в конечном же итоге полному изживанию желаний особо заниматься ею. Кто с утра не подойдет к зеркалу и ради индивидуально-сти больше, чем надо позанимается своим видом? Здесь и прически, и подкрашивания себя и волос, и разные украшения в ушах, на пальцах, на груди, а для большей индивидуальности еще и в носу. Ради нее же и подбор одежды, не только для удобства и пользы. Больше того - подбор по вкусу и по моде мебели в квартире, книг по цвету их переплете на полках, выбор марки машины, места для дачного участка, вида своего дома. Более серьезная занятость индивидуальностью, т.е. выделенностью среди людей благодаря своим талантам и способностям, равно как переживание за отсутствие каких-либо из них. Здесь уже не до славы Бога, не до того, чтобы Бог прославился в нас. Человеку нравится быть особенным, непохожим на других в пении, слове, танце, деле, в общении, рисунке, вышивке, в езде на машине. Человеку нравится и хочется всё приукрасить от себя, прибавить, сделать на свой лад. Тем более, если он всё это еще и талантливо делает, людям нравится, они приветствуют его, аплодируют, выдвигают в центр круга, застолья, занятия, на трибуну, на сцену, награждают орденами, званиями, должностями. Он и рад стараться. В церковной жизни такой человек за Господом далеко не идет. Ему трудно трезвение, жизни нет не то что в деланиях стяжания Святого Духа, но даже и в разговорах об этом, непонятно молитвенное богословие, совсем неясно предание Церкви, как дыхание Святого Духа в живом общении людей. Живое для него связано с эмоциями, чувства-ми душевного характера, отсюда и знаменное пение не дает ему возможность выразиться, а церковная аскетика и вообще отнимает жизнь страстной выразительности и привлекательности. Более глубокое и серьезное страстное увлечение индивидуальностью приводит к разным вычур-ным проявлениям в прическах, одежде, внешнем виде, в распущенном и громком поведении, смехе, гоготе, желаниях быть на сцене, на экране, читать о себе и видеть себя в газетах, выделяться в компа-нии, в коллективе, в обществе, даже в семье красо-ваться друг перед другом, где уж тут до Господа, создавать, творить неестественные произведения и в них красоваться своей индивидуальностью и так сильно во всем этом любить себя. Одновременно со всем перечисленным много переживать от неудач, насмешек, кто что сказал, бояться позора, закручиваться в разных комплексах несостоятельности, незрелости, недоразвитости. Это то, чем живет человек, когда привык крутиться собой вокруг себя. Отсюда же кто-то из нас стремится к учебе, развивающим занятиям, тренировкам, тренингам, репетициям, спевкам. А в итоге

стремится к успехам в общественной и церковной среде, чтобы явиться перед всеми привлекательным, заметным, видным. И так повсюду - как в алтаре, так и на клиросе, как в иконописи, так и в храмостроении, как в праздничных церковных застольях, так и на раз-ных церковных фестивалях, конференциях, форумах.

При неудачах расслабляется, теряет силы, приходит в упадок духом, переживает, болеет,

обвиняет, осуждает, обижается, досадует и т.д. И всё потому, что не удалось проявиться своей индивидуальности, оригинальности перед всеми. И во всем этом вся жизнь, или большая часть жизни. Если бы вместо всего этого близких возлюбить так, как самого себя.

Во что же, в какой труд спасения от упрямой индивидуальности зовет нас Рождественский пост? Как и во все дни года, а днями поста в особенности, мы учимся следовать Христу. Чтобы « вся внутренняя моя (было) имя святое Его» (-1ый антифон Литургии). Чтобы будни, жизнь с людьми и среди людей, дома и на работе, в миру или в монастыре, были «глас радости и спасения в селениях праведных» (Пс.117,15). Чтобы поступки - слова, чувства и мысли наши «приносили плод», потому что, говорит Господь: «Не вы Меня избра-ли, а Я вас избрал» (Ин.15, 16). «Знаю Моих и мои знают Меня» (Ин.10,14). «И никто не похитит их из руки Моей» (Ин.10,28). «За чужим не идут, но бегут от него». Потому что «слушают голоса» (Пастыря своего), и Он зовет своих овец по имени и выводит их» (Ин.3,5 ,10) из жизни мира сего в жизнь заповедей Его. «И Утешитель, Дух Святой... научит вас всему (Ин.14, 26). «Он будет свидетельствовать о Мне. А также и Вы будете свидетельствовать» (Ин.27-26 ,15) Чем? Не только внешним, но и внутренним, когда «Вся внутренняя моя имя святое Его».

Чтобы в буднях так жить, даны нам особенно постом Евангелие, молитвы и иконы. Из одного Рождественского поста в другой, на протяжении всей церковной жизни в чтении Евангелия мы восходим к Богу ступень за ступенью. Одно время это чтение было для нас больше обязанность, христианский долг каждого дня. В другое время слово делается душевным. Тогда каждая клеточка души слышит его. В наших скорбях оно утешает нас, в недоумениях, как поступать, наставляет, из беспутья выводит на путь. Если человек возрастает в любви к Богу благодаря молитве и исполнения в жизни заповедей Его, тогда приходит время, когда Евангелие делается духовным. Благодатью Святого Духа Бог приближается к человеку в евангельских словах, и они входят в сердце, очищая от страстей темную природу нашу, истрезвляя и силы души, напояя их светом , преобразуя в добродетель. Тогда придет и такое время, когда Евангелие станет жизнью - Господь наш Иисус Христос Сам будет открываться в Своем слове, тем совершая нас

Своими учениками.

Все это возможно, если вместе с Евангелием идет труд над молитвой. Период речевой или телесной молитвы в наше время особенно долгий - тридцать и более лет. Потом приходит молитва душевная, с естественным вниманием ума, с восприятием слов сердцем. По мере жизни по заповедям приходит молитва духовная. Благодат-ным светом открывается в душе покаяние. Это начало духовной жизни. До этого покаяние если и было, то было от самого человека,- светом

совести или светом знаний. Последнее дает больше скорбь о себе, и то, если человек искренне живет Богу по Евангелию. У нас один источник искренних отношений с Богом - вера наша. Если она оживает исполнением заповедей Божиих и сердце живет исполнением или неисполнением их, тогда отношения с Богом развиваются в названных трех направлениях: с Евангелием, в молитве и в обращении к иконам. В последнем мы проходим те же периоды. Припадаем к образу, потому что почтаем Христа и святых. Когда же приходит душевный период начинает жить в сердце благоговение, и умиление, и любовь к тому, кто изображен на иконе. В период духовный икона

оживает ради нас и действием святой, или Матерь Божия, или Христос являют себя. «Должно, - говорит прп. Феодор Студит, - со страхом и благоговением приступать к иконе, так как поклонение (наше) переходит к Христу, и должно веровать, что в ней обитает Божественная благодать и приступающим к ней с верою она сообщает освящение»[2]. Но не сразу так бывает. Должно пройти немало времени переходов из одного периода в другой. Если же Рождественским постом оставаться в мирской суете, тогда и до конца жизни можно сказанного не пережить.

Индивид

Вернемся теперь к культурам и скажем о четвертой причине: подхваченном нами индивиде. Индивид - это нечто многое более серьезное, чем все три предыдущие причины культур в нас. Прямо говоря, индивид - это непосредственная вражда с Богом, вплоть до Его для себя запрещения. Самое трагичное заключается в том, что человек, живущий от себя индивидом, не знает своей вражды с Богом, и знать не может. Он всячески откращивается от того, что он таков. Открыть

человеку его индивида не может ни психология, ни философия, ни какая иная наука; не может и сам он самонаблюдением обнаружить его в себе, разве что увидит умом внутренние и может быть очень тонкие проявления индивида, но не его самого. Открывает человеку его индивида вышеестественный свет, благодать Божия. А без нее он сам собой обречен оставаться индивидом. Только в крещении дается ему начальная святость и ею он вводится в общение святых. Но он, оставаясь человеком душевным, т.е. индивидом, не следует дарам крещения, игнорирует их и остается при своем. «Невсепослушались благовествования», - говорит апостол (Рим.10,16). Так как «не плотские дети суть дети Божии» (Рим. 9,8). Равно и его общение с людьми остается во многом противным общению святых. Так и живет, в глубине сердца не признавая Бога и не считаясь с Ним. «Закону Божию не покоряются, да и не могут» (Рим. 8,7). А с людьми оставаясь в привычных для себя обращениях, т.е. при своем характере, выказывая в нем свою принадлежность противным Богу культурам. Нецерковный человек таков. Но и церковный недалеко бывает от него ушел. «Индивид означает извечное смешение личности с

элементами природы,»- пишет Владимир Лосский[3]. Человек в силу своего «характера», утверждает себя как индивид, как собственник собственной своей природы, которую он противополагает природам других, как свое «я». Это свойственное падшему человечеству смешение обозначается в аскетической литературе особым термином «самость», причем другое слово «эгоизм» истинный смысл первого термина не предает. То, что является для нас самым дорогим в человеке, то, что делает его «им самим», т.е. личность, - неопределимо, потому что в его природе нет ничего такого, что относилось бы собственно к личности. Личность свободна от

своей природы, она своей природой не определяется. То, что нас определяет и порабощает - индивидуальное и самоутверждающееся, - в котором личность смешивается со своей «природой и теряет свою истинную свободу, должно быть сокрушено»[4]. Не ради ли этого Церковь вовлекает нас в Рождественский пост, а потом и в Великий? Не об этом ли мы говорим, когда говорим о зановорождении в Рождественский пост? «Человек есть тварь,-говорит св. Василий Великий,-

получившая повеление стать богом»[5]. «После грехопадения, - продолжаем В. Лосского, - человеческая природа разделяется, раздробляется, расторгается на множество индивидов. Личность, утверждающая себя, как индивид в пределах своей частной природы, не может в полноте себя осуществлять - она оскудевает. (В то же время человек) остается личностью даже тогда, когда далеко уходит от Бога, даже тогда, когда становится по природе своей Ему не подобным: это означает, что образ Божий (т.е. личность, а не природа) неразрушим в человеке. (Тем более) человек остается существом личностным, когда выполняет волю Божию»[6]. Для нас с вами теперь этой волей Божией является Рождественский пост. Постовыми условиями и подвижническими действиями поста Церковь зовет нас идти навстречу Богу и вместе с тем навстречу себе. Тем самым она зовет нас соединить в себе две природы - человеческую и божескую и, по словам прп. Макария Исповедника, стать «тварным Богом», «Богом по благодати». «Для достижения этой цели, - пишет В. Лосский, - необходимо взаимодействие обеих воли: с одной стороны - обожающая Божественная воля, с другой - человеческая воля, подчиняющаяся воле Божией в своем принятии благодати, в ее стяжании, в отдаче своей природы для полного благодатного проникновения»¹⁰.

10

- стр. 177.

ii

- стр. 179.

«Днесь небесные силы рождшагося Спаса Господа и Владыку возвещают миру». «И мы со ангелы Младенцу боголепно славу принесем: слава в вышних Богу и на земли мир, в человечех благоволение» (из Рождественской службы). Если бы не было грехопадения, то и не нужно было бы и поста. Но, увы, раньше нас, людей, воля ангелов, навеки определившихся в ненависти к Богу (падшие ангелы) эта воля, первая породила зло, которое есть влечеие воли к небытию (по учениям востока и Тибета - к нирване), отрицание бытия, творения Божьего, и в особенности - неистовая ненависть к благодати, которой мягкая воля ожесточенно противится. Их сознательное противление благодати обратило их в ангелов тьмы»¹¹. Но почти то же произошло и происходит с человеком, повергая его из личности в индивида. Так что силам тьмы легко теперь действовать на человека изнутри, «склоняя человеческую природу ко злу»¹². В итоге «грех, этот

паразит природы, уко-ренившись в воле, становясь своего рода «противоблагодатью», проникает в тварь (в

человека, то есть в нас с вами), живет в ней, превращает ее в пленницу диавола, который сам является пленником своей воли, навсегда застывшей в зле. Начиная с грехопадения и до дня Пяти-десятницы, обожающая благодать становится чуждой человеческой природе и действует на нее только извне. Орудиями благодати становятся ветхозаветные праведники и пророки. Благодать через них действует, но не усваивается людьми, как их личная сила. Единение с Богом по благодати становится невозможным. И тогда призвание первого Адама будет выполнено Христом, вторым Адамом»¹³.

«Дева днесъ Пресущественное рождает...нас бо ради родися Отроча младо, Превечный Бог». «днесъ временный разрешился соуз осуждения Адамова, рай нам отверзеся, змий упразднился. Да ликовствует убо вся тварь, и да играет: обновити бо ю прииде Христос и спаси души наша. Слава схождению Твоему, едине Человеколюбче».

Таковы будут песнопения Рождественской службы. Таким будет ликование и торжество наше с вами в конце поста. А пока. пока мы в пути, пока в преодолении того, кто есть в нас - индивида. Хуже того, кто и есть, собственно, мы, каждый из нас.

Теперь, чтобы добраться до индивида и начать его преодоление, нужно немалый положить труд в церковной жизни- духовной ревностью о благодати Святого Духа. А без этой ревности и трудов можно услышать от Господа тот же ответ, который услышали юродивые девы: «Не знаю вас». И это при том, что они были вполне церковны по видимой жизни, добродетели совершали, и «тем вроде и дело Божие творили, а до того, получена была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было»^[7]. Человек-индивидуид так бы и жил до смерти, если бы не было Православного поста. Но наступает пост и проливается на всех людей, живущих на земле, благодать Божия с иною заботой о людях, чем вне поста. Сами того не подозревая, люди вступают в отношения с нею. Так, искренние церковные люди, живущие крещальной святыней, подхватываются ею, «С того времени, времени Крещения все, водимые Духом Божиим, суть Сыны Божии (ибо) приняли Духа усыновления» (Рим.15:8,14). Они, пребывая в общении святых, обращены к добруму в людях мимо худой или неудобной для себя их характерности. Какая бы она у них ни была, благодать поддержит и находят они с каждым человеком мирный участливый тон и лад. Находятся и силы пойти навстречу, помочь, даже сделать за него и вместо него. Но могут, если нужно, и осадить, строго призвать к ответу, поста-вить в обязанности, тем самым оторвать его от лени, распущенности, иждивенчества, от хамства, подлости, осуждения всех. Так Евангелие велит - не оставлять человека, даже если станет известно, что он грешит. Живущие же двумя другими культурами - развлечениями, утешениями и своей индивидуальностью, но согласные на пост имеют от благодати незримую поддержку, ослабляющую и поражающую силу всех трех видов культур, и четвертой - культуры индивида. Человек все также культурный, светски воспитанный, образованный, а силы как обычно проявлять себя уже нет. Быть прежним не получается, а по-новому человек не может. Тогда пост для них - это немалый труд лично от себя, вслед за благодатью продолжить отвержение и преодоление в себе четырех культур. Бог в человеке вызывает навстречу Себе личность, а человек все продолжает оставаться индивидом. Как будто без него у него и жизни нет.

Даже если человек, будучи неверующим или

иной веры, по которой для него нет поста, не думает о посте и не подозревает о существовании постового света небесной благодати, но и тогда он вступает в неслышимые для себя отношения с нею. Выражается это у людей в усиленных именно в это время поведении и действиях всех четырех видов культур, которые возгреваются и возрастают во всё время поста, а своей кульминации и языческого разгула достигают в новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января. Затем, выплеснув всю накопленную меру безбожной веселости, злобы, и кровеного игнорирования Христа, мир людей, буйствовавших в четырех культурах, в изнеможении замирает в следующие дни января, как невольники, отдавая дань предрождественской тишине. Это же происходит и с католиками и протестантами, которые сохранив и удержав в себе четыре описанные культуры-развлечений, утешений, оригинальной индивидуальности и индивида - сделались неспособными слышать благодать Божию. Поэтому и живут человеческим вдохновением падшего естества по своему новостильному календарю, невпопад с постовой благодатью. Весь мир святых на небе, - весь ангельский мир и мир православных, держась

старого стиля, живут в согласии с нею и единогласны между собою, а протестанты и католики вместе со всем остальным миром неверующих и верующих в иное единодушно, все как один, живут на свой лад, видимо игнорируя реальность благодати поста, а по невидимому ее действию, впадая в буйство и разгоряченную деятельность земную. Будто бы пост и время его определены одним только человеческим

взаимосогласием - международным. Да нет же. Как раз гражданский календарь с его новым годом и подогнанный к нему церковный новостильный календарь католиков и протестантов являются результатом международного человеческого

согласования. В нем эти человеческие форумы не соотносились со Святым Духом и Его благодатью, как и весь остальной народ, предаваясь буйству четырех своих культур, не соотносится ни с православием, ни с благодатью. По причине того, что они ее в себе не чувствуют. А православия не признают.

Жизнь же от индивида - четвертой культуры в человеке - как она проявляется в нас? В устойчивых чертах характера, которых человек сам ради своей особности держится. Особность от слова особь, особно, т.е. отдельно, обособленно пребывающий. В особности человек сам себя в себе читит, живет в своем достоинстве, держит себя достойным уважения и почитания, этим измеряет справедливость или несправедливость отношений к себе. Этим же на людях держит себя в рамках приличия. Но даже и оставаясь один на один с собою, читит себя таким, какой сам себе нравится и, оставаясь верным себе, не делает того, что уронило бы его в собственных глазах. Он верен себе, своему характеру, и предан себе даже до смерти. Потому ради собственного достоинства готов вступить в драку, участвовать в дуэли, кровной мести, прийти в ярость от малейшего оскорблении чести, от малейшего непослушания близких или от малейшего причиненного ему неудобства. Энергия индивида - это кипучая энергия мира сего, людей, готовых ринуться в головокружительные рискованные дела, совершать трудовые подвиги, даже встать на защиту

семьи, Отечества созидать христианское царство на земле, забыв о небесном. В конечном итоге - это энергия сынов противления, гордости надменное лицо.

Человек-индивидуум любит себя больше кого бы то ни было. Любит себя в свойственных ему чертах

характера. Как это видно? Он таков и иным не может быть, не хочет и не собирается быть. Чтобы так держаться за себя, нужно еще иметь что-то, из-за чего увидеть, восчувствовать себя, уразуметь себя таким было бы невозможно. Святитель Феофан Затворник говорит, что этим «что-то» являются в человеке греховные покровы сердца. Самые глубокие из них - самообольщение, нечувствие и беспечность (произвол). В природе человека есть и еще более глубокие основы индивида. Это узы духа - узы мира, самоугодия и диавола[8]. Будучи схваченный в лице своем узами духа и покровами сердца, человек является индивидом перед всеми, перед самим собой и перед Богом. Что же он делает, будучи таким? Живет ему свойственным характером. И не отдает себе в этом отчета. Потому что предан сам себе. Не видит, как и что он делает. Особно, т.е. раздельно от других живет и при этом не слышит себя насто-ящего. Пока благодать Божия не откроет его ему. Тогда он начнет чувствовать, что не по совести поступает, неправдиво делает, обращается с близкими и даже молится неправдиво. Если начнет выверять себя правилами правдивости, услышит в них, в словах правила такую правду, какую он не имел ввиду, не знал в опыте. Увидит, что жил и поступал вопреки совести, да и ее имел поврежденную, не слушал ее, отодвигал ее, сам устранился от нее, забывал о ней. Чем же тогда он жил? Тем, чем индивид живет - самообольщением, нечувствием, беспечностью, произволом, преданностью миру и его ценностям, самоугодием и самолюбием. В конечном итоге - своим характером, суть которого составляет падшее естество человека. А вместе с ним множеством его особенностей, которые каждый из нас в ходе своей жизни обрел в свой нрав. Каким это таким множеством? Одно дело - своим тоном, манерами, жестами, привычными словами, оборотами речи. Другое - характерными поступками, свойственным себе поведением, стилем жизни, оборотами жизни (например, характерной для него переменой обстановки, места или, наоборот, привязанностью к перечисленному и людям, профессии, супругу или супруге). И третье - собственно стоянием в своем характере. Преданностью себе, упорством, упрямством. Проявляется это во пререкательных и укорительных взаимоотношениях с людьми, старшими, младшими, в разделении для себя людей на угодных и неугодных, приятных и неприятных, но более всего на упорном стоянии в этом разделении, настаивании даже на нем, отстаивании себя быть таким, каков есть. Проявляется и в том, как обращается к Богу, и, наконец, в том, как относится к себе. Это «как» имеет только две основы - ради Христа или ради себя. Индивид - это жизнь ради себя. Где Христа нет. Невинное - нет Христа - это забывчивость. Про любовь забыл, про чуткость не помню, внимание не пришло на сердце тоже, но. злобное - нет Христа - это «живу как живу», «какой есть, таким и принимайте», «какое мне дело до всех до вас», «ну и что, что такой, а все-таки моё мне отдайте и что хочу, то сделайте». И уж совсем лютое, когда идет уже откровенная вражда со Христом - это «как хотите, но своего добьюсь», «вы еще меня вспомните», «все равно по-моему будет», «не хотите, как хотите», «моя хата с краю - ничего не знаю», «жил так и буду так жить», «ах так, тогда порвально-растоптато». Равно как болезненные проявления этой вражды - мнительность, злопамятство, хранение обид, хронические состояния уныния, тоски, печали, потерянности, самоедства, или, наоборот, критики, осуждения других. «В последние времена, - пишет апостол

Павел своему ученику Тимофею, -люди будут самолюбивы, непримирительны, не любящие добра, напыщенные, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» (2

Тим.3, 1-5) При всех таких состояниях индивида невозможно быть в человеке христианским настроениям духа - окаянства, неключимого раба, почитания себя ниже других, готовности к презрению, поношению, самоукорения до чувства недостойного пощады, опасений привязываться к сему миру, склонения к невидимому, духовному, жажды Христа, Царствия Небесного, спасения, плача, покаяния[9]. Всё это смертельно для индивида, странно, непонятно. Он этого бежит, уклоняется, отстраняется. Настойчивые разговоры о таких состояниях, тем более реальные люди с такими настроениями или пребывающие в трудах к ним индивида раздражают, он брезгует ими, гнушается общения, знакомства с ними, ненавидит их. Не верит им, подозревает в лицемерии, поддевает; если встречается с какой-то несостоятельностью в них, не умеет оправдать, простить, не умеет обойти, впадает в злость, ненависть. Одним словом, не знает любви. Он не ищет единства, не знает единения. Соответственно

не знает и святости. Он живет в Церкви особно, по возможности независимо, оберегая свою человеческую справедливость. Максимум, чего он дости-гает - это душевного единства с какой-то приятной или приемлемой для него частью людей, верую-щих или неверующих, что в миру, что в монастыре. Большинство же верующих, но индивидно живущих, довольствуются собой и своим церковным окружением. Они ретиво оберегают свое единство с ними в свято-отеческом мировоззрении, чтобы на словах всё было по святым отцам. Всё, кроме духа. О духе они и не думают. Не подозревая, что единство друг с другом по духу человеческому особно само по себе. Оно уже есть индивидное выпадение из живого Предания, т.е. из Церкви-организма. Духовное же единство для них подозрительно, они начитаны об этом, но духовного на деле или в опыте они не знают. И боятся туда ходить. Малейшее практическое движение к смирению, кротости в людях Церкви им уже подозрительно. Они будут порой с большой злобой и ожесточением защищать момент свято-отеческих знаний, не отдавая себе отчета в том, что в это самое время сами живут враждебно им. О них, применяя единственное

число, пишет св. Феофан Затворник: «Забота о своем спасении и о своей загробной части никогда не посещает и не тревожит его. При всем том он приятный член общества. Увлекательный собеседник, пользуется общим вниманием, уважением и славою. Только в нем ничего нет, что входит в состав жизни о Христе Иисусе[10]. Не таким и не для того сотворил человека Господь. И не для такого жительства человека в индивидном его характере Господь теперь рождается. «Приидите, возрадуемся Господеви, настоящую Тайну сказую- ще: Бог во плоти явися, и аз райских пищи причащаюся, ангелы и человецы духовно да торжествуют - прииде бо чаяние языков: на земле родися Царь Небесный (Стихиры на Господи воз- звах службы Рождества). Это значит, что отныне люди вводятся в Его Царство. Как? Из разделенно живущих собираются воедино. Из особно для себя заявляющих и гордящихся своей индивидуальностью вводятся в жительство, в котором «Дух Святой наполняет все во всем», а че-рез то из частности входит в полноту, преодолевая индивида, пробуждаются личностью. Об этом вот что пишет Владимир Лосский : » Но и человеческая личность не может достичь полноты, если она

присваивает себе часть общей природы, если считает эту часть своим личным достоянием-той единой общей природы, которой люди обладают во многих человеческих личностях, так делает индивид. Существует только одна природа, общая для всех людей, хотя (вследствие греха) она и кажется нам раздробленной, разделенной между многими индивидами.

Следовательно, человек, созданный по образу Божию, это природа, понятая как целое. При этом образ Божий не заключен в одной части природы, ни благодать не заключена в одном только индивиде, но действие их распространяется на род человеческий в целом. Это первозданное и восстановленное в Церкви единство природы апостол Павел именует «Телом Христовым»[11]. На то рождается ныне Господь, чтобы собрать воедино это Тело Христово, как Царство Божие на земле. «В мир входит новая и более совершенная реальность - это Церковь, основанная на двойном божественном домостроительстве (икономии): на деле Христа и на деле Духа Святого, на двух Лицах пресвятой Троицы, посланных в мир. Если Христос - глава Церкви, которая есть Его Тело, то Святой Дух есть Тот, Который наполняет все во всем[12]. «Он

приходит не во имя Свое, но во имя Сына, чтобы свидетельствовать о Сыне, как и Сын пришел во имя Отца, чтобы возвестить об Отце[13]. И свидетельство, и возвещение для кого-то нужно. Для тех, кто готов воспринять то и другое, для тех, кто ради этого восприятия не просто оказывается перед фактом Рождественского поста, но кто ищет пост и входит в него, чтобы им жить, жительствовать навстречу Святому Духу, а через Него навстречу Христу. Тогда очевидно воздвигается в человеке против свидетельства и против возвещения собственная поврежденная человеческая природа, препятствием к жительству навстречу Святому Духу и Христу становится человеческий индивид.

Три свойства индивида

Теперь, когда мы входим в пост как в сугубое вхождение в свое членство в Церкви, что еще мы можем сказать об индивиде, чтобы узнать его в себе? Скажем о трех его свойствах. Первое из них - трусость и страх. Они от индивида. Трусость от животного страха - боязнь за свою жизнь, боязнь увечий, боли, физического наказания. Трусость от

страха душевного - боязнь позора, молвы, боязнь признаваться в ошибках, промахах, избегание в слух обличения себя. Трусость от слабости духа - боязнь начальства, милиции, представителей власти, трусость перед человеком духом более сильного, страх до оцепенения, потери речи, до седых волос. Все эти виды страха отлагаются в человеке страх Божий. Если мы сегодня не имеем страха Божия, особенно на пятнадцатом - тридцатом годах нашей церковной жизни, это значит, что в нас не преодолено первое свойство индивида - страхи и трусость.

Другое, что свойственно индивиду — это индивидуальная выживаемость или личная успешность. Каких только свойств в характере не собирает человек, лишь бы достичь успеха, и этим выжить в этом мире, выжить на свой лад. От вполне положительных поступков и слов до самых мелочных и подлых. Перечислим некоторые положительные свойства. Ими могут быть и мужество, и терпение, смелость, великодушие, честность, долг, даже совестливость, обязательность, учтивость и многое другое. Но всё ради успешности и из чувства уважения к себе - «свет, который в тебе, тьма {есть}» (Мф.6,23). Ради уважения себя со стороны людей человек будет очень деятельным, неиссякаемым в энергиях и силах, предприимчивым, талантливым, умелым, надежным, очень успешным. Всё у него будет ладиться, всё делать он будет играющи. Хороший супруг, родитель, сын или дочь. Надежный гражданин, большой специалист, профессионал. При этом на дух близко не принимает не только Христа, но и любую веру. Либо верит, но не православно. Либо и православно верит, но только в границах душевного удобства и интеллектуального всезнайства. Если «свет, который в тебе тьма, кольми паче тьма» (Мф.6, 23). Он доволен собой и самоуверен.

Это может быть видный христианин, важный и очень успешный служитель Церкви, монах, игумен. Во всём - весь из себя. Он будет жить вроде ко Христу, но не ради Христа. Тем более, не во Христе.

Среди отрицательных свойств индивидной выживаемости или успешности каких только не увидим. Подличанье, заискивание, обман, способность вывернуться, шантаж, пользование другим, его умениями и талантами, его вещами, положением в обществе, деньгами. Есть много вариантов разных психопатических отношений, возникающих с самого детства в обращении с родителями, а потом в течение жизни переносимых на всех встречных, близких и близких.

Третье, свойственное индивиду - это преданность себе или самоустойчивость характера. Можно сказать упрямая сохранность себя таким, каков есть. Об этом свойстве есть меткие поговорки в народе - «горбатого могила исправит», «и глазаст, и ротаст, а пути в нем нет», «кто волком родился, тому лисой не бывать», «как дерево ни гни, оно всё вверх растет», «пуд мыла изведешь, а родинки не смоешь».

Психологический тип характера - это позиция, которую человек занимает по отношению к людям, делам и событиям. Позиция эта свойственна человеку, как ведущая черта его характера. Поэтому по жизни он находит то место, те обстоятельства и тех людей, где и с кем ему удобнее всего проявлять свою позицию, держать ее и стоять в ней. Так один по характеру тунеядец. Он может какое-то время скрывать свое тунеядство, даже показывать противоположное, но пройдет время, он приладится, приноровится, обвыкнет и найдет таки, где, когда и с кем отдаваться своему характеру. Другой по характеру авторитет. У него всё - и ум, и обширные знания, и умения - всё служит тому, чтобы утвердить его как авторитет среди любых людей. Он может очень радеть о деле, но в той его части, в которой он может выйти знатоком. До других частей дела, в которых он мало разбирается, ему и дела нет. Как авторитет он настоит на своей части, убедит всех, а дело через другие неустроенные части возьмет и завалится. Он и эту ситуацию использует, чтобы утвердить себя как авторитет, объясняя всем, почему оно завалилось. Третий - проныра. Везде побудет, везде отметится, везде что-то свое возьмет, но за дело нигде всерьез или до конца не возьмется, а если возьмется, то за то только, что нравится самому. Четвертая - единственная у мамы дочь, с детства любимая, всё для нее. Только с папой был всегда конфликт. Он пытался ее в чем-то ограничивать. Отвечала ему всегда злом и ненавистью. Так и по жизни идет. Пятая поциальному ей характеру так вывернет ситуацию, что человеку останется только выть. Сама же или не заметит сделанного, или останется в уверенности, что другого оборота дела и быть не должно. «А как еще?». Шестую в семье всегда унижали, зато в школе она брала реванш. У учите-лей была лучше других, а среди сверстников нахо-дила таких, кого можно унизить, младших приблизить к себе и сделать фаворитами. Так и осталось это в характере - чувство униженной и желание реванша.

И так с каждым человеком. Коснись любого, какой-нибудь индивид составляет основу его характера. Это как раз то в человеке, о чем в народе говорят: «Чтобы узнать человека, надо пуд соли с ним съесть». О силе индивида, о власти, с которой он присутствует в характерах людей, можно судить по многим фактам. В Дивеевском женском монастыре преподобный Серафим молодых монахинь отделял от возрастных и старых. Причина - последние плохо или почти не поддавались не то, что духовному, но и нравственному воспитанию. А ведь это были монахини. Т.е., специально посвятившие свою жизнь воспитанию в себе внутреннего человека вместо

индивидуа. А, может быть, потому и остались, какими были, потому что не посвятили. Вся подвижническая практика Церкви - это преодоление падшего индивида. Но кто сегодня способен на такую практику. Вместо нее нам не проще ли оставаться при себе. «Что есть добро,

Господи? Совершенное соединение с Тобою. Тогда все, что отделяет от Тебя и уподобления Тебе, есть зло. Когда тело дает возможность молиться Тебе, оно благо, но когда оно бунтует и устремляется в мир, то становится злом. Когда ум пребывает во внимании к Тебе, он-благо, но когда рвется, подобно жеребцу к вещам мирским, то становится злом. Если сердце неистово жаждет страстных впечатлений, когда из него исходят осуждение и ненависть на все живое, тогда оно-зло. Я же выбираю добро-чистоту сердца и благодать и отрекаюсь от зла - страстных пожеланий и состояний его.»

При этом я хочу всегда помнить, что «Христос просто есть. Он не прилагает никаких усилий, чтобы быть. Это лишь мы прилагаем всякие усилия, чтобы продлить наше временное существование»[14].

Мы призваны к святости

И несмотря на это мы вновь и вновь каждый следующий год вступаем в Рождественский пост, чтобы вместе со Христом пережить свое рождение. Для нас это каждый раз заново рождение.

С самого таинства Крещения мы введены с вами в начало святости. А вместе с нею - в общение святых. Ибо нет святости, которая не являла бы общения. Как во Святой Троице есть общение Лиц, так и от Духа Святого сообщается всем святым божеское общение между собою. К этому общению в своем ипостасном начале, данном нам от Бога, призван каждый человек. В нем от Духа Святого оживает человек в святость и ею вводится в Церковь, т.е. общение святых. «Да будут в Нас едино», - просил Господь Отца Своего в Гефсиманском саду. А по Вознесении Его и Сожествии Святого Духа это «едино» начало быть на земле, среди людей. Потому что Господь за нас просил Отца Небесного: «Да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет» (Ин. 17,26), т.е. любовь Отца ко Христу будет и в нас, в людях, и ею, любя Христа, мы делаемся христианами. Сообщает же нам эту любовь Отца Святой Дух. В нас вместе с этим началось на земле преодоление падшего - индивида. Естество человека начало очищаться и освящаться. Каждый пост и каждый год в Церкви, в общении святых - это на толику умножение начальной святости, полученной в крещении и обновляемой в Таинствах. Против этого восстает падший индивид в нас. Оставляя его, предавая его, мы вместе с ним оставляем какую-то часть его свойств, а вместе с ними какую-то часть разделения, особности, противостояния друг другу или корыстного пользования друг другом. Пост ведет нас к восстановлению нашего Богом данного индивидуального естества. Того естества, что от Бога. В этом и заключается наше начальное заново рождение. Святость, ради нее, затихают в нас постом все четыре культуры. Сначала в своем значении, которые из них мы действительно считаем лично для себя великими культурами. Увы, столько места они занимают в нас и сколько времени нашей земной жизни, такую имеют ценность и столь значимы лично для нас. Теперь с началом Рождественского поста полагается им угаснуть, в какую-то меру прийти в упадок. И в тишине четырех культур придет к нам ангельская весть и мы не из внешних возгласов, не из пения клироса, не от внешних известий только, но в сердце своем, в кротости смиренного духа услышим таинственное известие о рождении Христа. Его принесут нам ангелы. Известие это исполнит сердце небесной радостью и святым ликованием - Христос родился! Не ради ли этого

Церковь на каждом часе - первый, третий, шестой и девятый час- в течение всего года молится: «Иже на всякое время, и на всякий час... огради нас святыми Твоими ангелы, да ополчением их соблюдаемы и наставляеми, достигнем в соединение веры, и в разум неприступныя Твоей славы».

Но и ради этого таинственного известия о рождении Христа из года в год до самой нашей кончины мы будем вводимы Церковью в Рождественский пост. От внешнего известия об этом до таинственного внутреннего, Бог-Отец будет трудиться над нами «в Самем Христе Твоем,- молимся мы во время божественной литургии св. Василия Великого, - Не бо отвратился еси создания Твоего в конец, еже сотворил еси, блаже, ниже забыл еси дела рук Твоих, но посетил еси многообразне, ради милосердия милости Твоей: егда же прииде исполнение времен, глаголат нам Самем Сыном Твоим, иже сый сияние славы Твоей, от Девы Святыя воплощъся, истощи Себе, зрак раба прием, сообразен быв телу смирения нашего, да нас сообразны сотворит образу славы Своей, приведе в познание Тебе, истинного Бога и Отца, стяжал нас Себе люди избранны, царское

священие, язык свят».

Ради этой реальности, выраженной в словах: «Приведе в познание Тебя», Церковь из года в год будет трудиться над каждым, кто в Рождественский пост будет искать себя, личность, ту личность, которая только и способна «в разум истины приити»: личность, которая непостижима, как Творец ее-Бог-непостижим, но которая одна только своим пребыванием во Христе и пребыванием Христа в ней исполняется полнотой Церкви и «собирает в своей любви весь раздробленный грехом космос, чтобы был он в конце преображен благодатью». Потому что «личность - не часть какого-либо целого, она заключает целое в себе. Ни ангелы, ни человек не являются собственно частями, они существа личностные»[15]. Во Христе ангелы и люди едины, во Христе мы все-небо и земля - Церковь, во Христе и через Него мы та Церковь, «которая есть Тело Его, полнота наполняющего все во всем» (Еф.1.23).

Так Рождественским постом начинается наше восхождение к тому светлому дню, когда мы не просто запоем, но и в пении услышим, свидетельствуя реальность: «Днесъ ангелы Младенца, рожденного боголепно славословят: Слава в вышних Богу и на земле мир, в благоволение»[16].

человечех

Христос

Помним, и много раз помним: рождается, чтобы спасти всех

[1] - Житие и слова. Свято-Никольский монастырь 2008г, стр.174.

[2] - Послание к Платону о почитании икон. Из книги прп. Иоанна Дамаскина « Три защитительных слова против порицающих святые иконы. Св - Сергиева Лавра. 1993 г. приложение

[3] - кн. Мистическое богословие. Путь к истине.1991 г. Киев, стр. 174-173.

[4] - стр. 174. 46

стр. 175.

стр. 176.

[7] - Православный календарь за 2016 г. Школа молитвы, стр. 19.

[8] - Св. Феофан Затворник. Путь ко Спасению. Репринт. М. 1899, стр. 107,91.

[9] - Св. Феофан Затворник. Путь ко спасению. Репринт, М. 1899, стр. 217.

[10] - Церковный календарь. 2016 год, стр. 23.

[11] - В. Лосский. Мистическое богословие. Киев. 1991, стр. 173.

[12] - (Еф. 1,23) там же, стр. 198-197.

61

[13] - стр. 199.

[14] - Монах Симеон Афонский. Птицы небесные. Книга 4. Стр. 447, 453 гора Афон. 2015 г.

[15] - В. Лосский, стр. 164.

[16] - стихира, глас 6 рождественской службы

Добавить комментарий

Имя (обязательное)

E-Mail

:D:lol:-):-}8):-|:-*:oops::sad::cry::o:-?-x:eek::zzz:P:roll: